

Андрей Львович Ливадный Сталтех

Аннотация

Он попал в отчужденные пространства по воле злого рока. Он хотел выжить любой ценой, но ему предстояло пройти все круги техногенного ада, познать, сколь глубока человеческая подлость и сколь беспощадна равнодушная к людям сила техноса. Начинающий сталкер Максим не подозревал, что попал в неумолимый водоворот событий. Кому есть дело до инфицированного скоргами, погибающего новичка, когда военные и Орден Сталкеров стоят у порога разгадки тайны Узла, а армии механоидов сходятся в решающей битве? Но не все решают сильные мира сего. Только Максим и группа

легендарной Титановой Лозы способны повлиять на неумолимый ход событий, открыть зловещие замыслы техноса, заглянуть за черту жизни и смерти, чтобы разгадать тайну мрачного здания с логотипом «DRG».

Пролог

Новосибирская зона отчужденных пространств. Ноябрь 2056 года...

Мощная дверь, усиленная композитной броней, плавно сдвинулась в сторону, открывая вход в подвальное помещение.

Антрацит слился с сумраком. Импульсный пулемет в его руках казался игрушкой. Стук в дверь был правильным, условным, но после бегства из Ордена вольный мастер-мнемотехник соблюдал

железное, не раз спасавшее его правило: не доверять никому.

Снаружи, на улице завывал ветер, скрипел ржавый лист железа, выше фрагмента темных угловатых руин в разрывах облаков помаргивала одинокая звезда.

«Зря открыл обе двери!...» – с запоздалой досадой подумал Антрацит, чувствуя, как зимний морозный воздух проникает в подвальное помещение. Защитные установки, подвешенные под потолком, простреливающие короткий тесный тамбур, он накануне деактивировал для планового технического обслуживания, вот теперь стоял, глядя в темноту, ожидая, пока незванный гость как-то проявит себя.

Механоиды¹ нынче пошли – один другого сообразительнее. Сенсоры у них чуткие, да и мозгов явно

---

¹ Механоиды – сленговое название, бытующее в среде сталкеров. На языке военных – «изделие техноса».

прибавилось. Что им стоит подслушать и воспроизвести несложную последовательность условного стука? И на мониторах внешнего рубежа охраны – ничего. Словно призрак постучался.

Исчадия техноса, конечно, твари еще те, эволюционируют с невероятной скоростью, но до людей им все же далеко. Антрацит напряженно ждал, недоумевая: почему никто не входит? На душе было неуютно. Все же Ковчег считай под самым боком, отсюда до руин Новосибирского Академгородка, где обосновалась группировка, километра три. Бывает, что и патрули мимо проходят. Состав боевых групп егерей известен, в них, как правило, входят сталкеры всех специализаций. Так что молчание датчиков наружного рубежа охраны вполне может быть делом рук метаморфа, прикрывающего группу от обнаружения.

Как же они меня вычислили? – Антрацит живо представил, что боевики Ковчега сейчас окружают вход в обнаруженное убежище вольного мнемотехника, готовясь к молниеносному штурму.

Палец лег на мягкую гашетку, заглубленную в рукоять оружия. Запирать двери, пытаться удрать через тайный ход означало обречь все имущество, уникальную аппаратуру, собранную своими руками, на разграбление и уничтожение. «Ничего не получат!» – зло подумал Антрацит, намереваясь защищать свое убежище. Отдав мысленную команду, он запер внутреннюю дверь, обезопасив себя от броска гранаты, затем разблокировал узкую бойницу, не прекращая сканировать доступные фрагменты руин.

На улице, среди поднимаемой

порывистым ветром поземки, импланты наконец зафиксировали движение.

Мгновенный анализ нечеткой сигнатуры² удержал мнемотехника от выстрела.

Сталкер. Если судить по экипировке – явно не боевик Ковчега... Но искажение поставил грамотно. Подкрался, постучал – и назад в руины. Метаморф-одиночка? Антрацит, сосредоточившись на сканировании, локализовал фрагмент измененной реальности, скрывающий нежданного визитера. Тот притаился за нагромождением бетонных обломков, чего-то выжидая.

«Боевики Ковчега так не действуют, – мысленно рассудил Антрацит. – Если только сталкер не исполняет роль приманки», – он

---

² Сигнатура, или энергоматрица, – характерная карта распределения побочных излучений, возникающих при работе устройства, механизма либо элементов энергопотребляющей экипировки.

запустил автоматическое сканирование частот мью-фонной связи и замер в ожидании отклика.

Так и есть – одиночка. Ответ пришел на частоте вольных сталкеров.

Опознавательный код имплантов оказался ковчegovским, но это обстоятельство уже не смутило Антрацита. Он догадался, кто именно скрывается в руинах, и мысленно выругался в адрес бестолочи, испортившей ему столько нервов.

– Выходи, что прячешься?

Тень, скрытая искажением, шевельнулась. Если бы не узкофокусированное, направленное сканирование, нацеленное в заранее определенную точку, то обнаружить сталкера было бы очень трудно.

Ему пришлось снять маскировку, чтобы ответить:

– Ты двери-то открой, а?

– Покажись сначала. Только выходи медленно.

Искажение окончательно исчезло. На фоне руин появилась фигура сталкера – щуплого, невысокого, экипированного в потрепанную, изрядно побитую пулями и лазерными разрядами броню, в которой Антрацит с большим трудом узнал свой давний подарок.

– Гляжу, тебе скорги³ совсем мозги сожрали? – Мастер-мнемотехник хоть и отпер внутреннюю дверь, но гостя встретил не приветливо. – Зачем явился? И что в руинах прячешься, если постучал? Жить надоело? Пулю решил схлопотать?

Сталкер дождался, пока закроется дверь, затем окинул взглядом сумеречный подвал, заставленный стеллажами, с наваленными как попало

---

³ Скорги – микроскопические частицы, способные образовывать сложные структуры. Основа всего техноса Пятизонья.

техноартефактами, странного вида устройствами, емкостями, в каких обычно хранят н-капсулы⁴.

– Не злись, Антрацит. Проблемы у меня, – произнес он, отстегивая мягкое забрало защитного шлема.

– Нечего было ковчеговские импланты вживлять, – пробурчал мнемотехник. Дверь сухо щелкнула электрозамками, и сразу стало спокойнее на душе. – Говорил тебе – дрянь они одноразовая. Теперь, конечно, – проблемы. Или я тебя не предупреждал?

– Предупреждал. – Сталкер сел, понуриив голову, некоторое время молчал, затем взглянул исподлобья: – Пакость мне всякая мерещится.

Антрацит укоризненно посмотрел на него.

---

⁴ Н-капсула – плод металлорастения, содержащий дикую колонию скоргов, готовую к дальнейшему развитию.

Да, потрепала Макса зловредная судьба. Лицо сталкера покрывали свежие, едва зарубцевавшиеся раны, следы ожога либо обморожения. Глядел он хмуро, озлобленно, с неммым вызовом, адресованным всему окружающему миру.

– А в башку совать что попало, ты как думал – все обойдется, нормально будет? – укоризненно произнес Антрацит. – Ладно, – внезапно смягчился он. – Рассказывай.

– Да особо рассказывать-то нечего. Сталтех за мной по пятам ходит. Достал уже...

– Галлюцинации? – Мнемотехник положил увесистый «ИПК»⁵ на один из стеллажей. – И как часто?

– Периодически. Главное, что не во сне, а наяву. Из-за обыкновенных кошмаров тревожить бы не стал.

---

⁵ ИПК – импульсный пулемет системы Карташова. В просторечье – «карташ».

– Так, может, сталтех настоящий?

– Нет. Я в него стрелял – пули насквозь проходят. Словно он – тень, мираж, понимаешь? И вообще «мой», – Макс криво усмехнулся, – мой на обычных сталтехов не похож.

– В смысле? – удивился Антрацит. – Ты толком говори! А то как будто бредишь!

Сталкер на миг задумался, подбирая слова, затем глухо произнес:

– Не человек он...

– Ну, ты, Макс, загнул! Не человек!.. – рассмеялся мнемотехник. – Конечно. Сталтех – он и есть сталтех.

– Не понимаешь ты меня! – Нервы у сталкера были на пределе, это точно. – Говорю – необычный, странный! Он человеком и не был никогда! Метра полтора ростом... Морда жуткая, узкая, башка как будто к затылку вытянута. Конечности с двумя суставами, кисти

рук – трехпалые. Появляется внезапно, буквально секунд на десять-пятнадцать, и что-то пытается мне сказать.

– О чем хоть говорит?

Максим зло посмотрел на мнемотехника. Издевается?

– Откуда я знаю?! В голове скрежет возникает – от него мороз по коже. И непонятно – не то помехи в мью-фоне, не то действительно сталтех...

Антрацит лишь покачал головой.

– Импланты сбоят, – категорично заявил он. – Таких сталтехов, как ты описываешь, не существует. Уж поверь, я механической нежити повидал достаточно. Скорги, когда носитель захватывают, структуру опорно-двигательного аппарата никогда не меняют, – со знанием дела пояснил Антрацит. – Металлизированных собак видел, кошки попадались, крысы, но таких

тварей, как тебе грезится, в природе до катастрофы не существовало. Это у тебя галлюцинации от «левых» имплантов. В твоей собственной башке этот сталтех живет, понял?

– Проверь, а?

– С какой радости? Я ведь тебя предупреждал?

– Ну что ты заладил? Просто – проверь! Я тебе заплачу!

Мнемотехник указал на кресло, похожее на страшное устройство для средневековых пыток.

– Экипировку снимай и садись туда.

Отказать сталкеру в просьбе он не смог. В отчужденных пространствах добро мало кто помнит, но Антрацит никогда ничего не забывал. Однажды Максим спас ему жизнь, и этого оказалось достаточно, чтобы пустить побоку все старые обиды и недоразумения.

- Бестолковый ты, Макс. Устроился?
- Угу.
- Чего дрожишь-то?
- Кресло у тебя... жутковатое.
- Прекрати! Ты же не пятилетний ребенок на приеме у стоматолога! Прошлый раз сбежал да глупостей наделал. Сиди уж!..

Максим сглотнул. В прошлый раз действительно глупо все получилось.

– Глаза закрой. Мысленно отключись от имплантов. Думай о том времени, когда их еще не было в твоём теле.

Максим покорно закрыл глаза.

Антрацит сел на вращающийся табурет, включил блоки аппаратуры, посмотрел на показания приборов.

– Макс, я же попросил! Что у тебя в голове творится? Импланты гиперактивны! В таком состоянии я не смогу найти причину сбоев!

– Ну, вколи мне что-нибудь! – зло

огрызнулся сталкер. – Выруби мой мозг и работай себе спокойно!

– Не выйдет. Если потеряешь сознание, скорги вообще взбесятся. Они ведь сосуществуют в симбиозе с организмом. – Мнемотехник на миг задумался. – Хорошо. Я введу твой рассудок в пограничное состояние. Но и ты мне помоги. Неужели нет никаких нейтральных воспоминаний? Ты ведь не в Пятизонье родился, верно?

Максим ничего не ответил.

Попытка сосредоточиться на прошлом лишь усугубила положение. В сознании возникла цепочка болезненных ассоциаций, нанизывая одно пронзительное воспоминание на другое...

Глава 1

Окрестности Соснового Бора.

Прошлое...

...Стылое, хрупкое утро.

Первый ледок подкравшейся зимы сковал лужи. Липкое месиво грязи, вспаханное гусеницами военной и строительной техники, застыло на морозе, открывая доступ к островкам руин. В звонкой тишине бледного рассвета тяжелые шаги патрулей отсчитывали последние минуты до окончания комендантского часа.

Город просыпался.

Историческая часть мегаполиса, наименее пострадавшая во время Катастрофы пятьдесят первого, уже наполнилась деловой суетой, а в зоне тотальных разрушений, на подступах к Барьеру, запечатавшему уничтоженную окраину города-гиганта сферической гравитационной аномалией, еще царила тишина.

Казалось, что тут никто не живет,

лишь военные городки, обустроенные по периметру мутно-серого купола, отрезавшего Сосновый Бор от остального мира, выдавали присутствие людей.

Подле Барьера безраздельно властвовала армия, но в нескольких километрах, там, где заканчивались грязевые поля, а из земли начинали проступать невысокие огрызки стен зданий, жизнь постепенно брала свое. Тут, на самом дне жуткого подковообразного амфитеатра, образованного постепенно поднимающимися ввысь уступами зданий, за годы, прошедшие после Катастрофы, сформировался своеобразный мирок, существующий по собственным законам.

Там, где руины поднимались до уровня второго-третьего этажей, а стылый ветер гулял по расчищенным от

обломков улицам и проспектам, после окончания комендантского часа появились редкие прохожие, подле недавно восстановленной станции метро бригады строителей, покинув уютное тепло подземки, ожидали подхода спецтранспорта.

Максим проснулся от холода.

Хотелось курить. Стылая сырость пробирала до костей, мышцы одеревенели, пустые, безрадостные мысли отражали лишь сиюминутные заботы и желания.

Кутаясь в старенькое пальто, он подошел к проему выбитого окна.

Сигарет не было. Внизу в разломе улицы уже появился народ. Бригады строителей, разгрузив материалы и инструмент, скрылись в одном из соседних зданий, говорят, его собирались восстанавливать, а на улице кое-где уже открылись маленькие

магазинчики. Бизнес большого города постепенно выпускал щупальца, проникал в руины, – на первых этажах сохранившихся построек некоторые помещения отремонтировали, приспособив под торговые точки и незатейливые кафе.

Здесь никого не волновали чьи-то отдельно взятые судьбы. Каждый сам по себе. Выживает, как может.

Максим подслеповато посмотрел вдаль. Утро было ясное, зимнее солнце светило, но не грело.

Так же и в душе. Холодно. Одиноко.

Пару лет назад ему повезло выжить. И не более. Судьба, сломанная вмиг, не срослась вновь. После пережитого шока, хаоса, нескольких дней скитаний среди наполненных агонией руин он как будто впал в моральную кому, не сумел вновь окунуться в теплую суету большого города, а остался тут, на дне

исполинской воронки, вырезанной в теле мегаполиса титаническим взрывом.

Некоторое время он прятался в развалинах, не в силах преодолеть ужаса перед случившимся, постепенно теряя счет дням, а когда его отыскали и доставили во временный лагерь, то Максим, вновь оказавшись среди людей, внезапно понял, что большие скопления народа пугают его больше, чем ощущение глобального одиночества.

Моральный слом произошел мгновенно. Пережив катастрофу, он утратил спасительную для многих иллюзорность мышления. Максим видел превратившиеся в щебень кварталы, он теперь в точности знал, сколь ненадежен огромный город, как легко красивые и прочные с виду здания превращаются в пыль, не

оставляя шанса на спасение... Страх перед повторным ударом жил глубоко внутри, он въелся в сознание, Максима не покидало ощущение, что множество людей, собранных в одном месте, каким-то мистическим образом притягивают беду. Если разбираться спокойно – глупость, но Макс поддался глодавшему его страху, бежал, снова ушел в руины.

Потребовались месяцы, чтобы прийти в себя, опомниться, а когда в душе вновь затлела искорка воли к жизни, оказалось, что его поезд давно ушел. Все, кого удалось спасти, были эвакуированы, зона руин объявлена запретной, а любой нарушитель рисковал получить пулю от патрулей, особенно в темное время суток.

Так он стал нелегалом. Человеком без документов и работы, числящимся в списке без вести пропавших,

призраком, оказавшимся вне цивилизации, вне государства и общества.

Оказывается, не он один. Тысячи бродяг обитали на обломках мегаполиса, ведя нелегкую борьбу за существование. Максим стал одним из них, полностью погрузился в сумеречную, беспредельную жизнь, где банку найденных консервов приходилось отбивать у одичавших собак или того хуже – у себе подобных.

Уцелевшие городские кварталы он понемногу начал ненавидеть. В морозные или дождливые ночи оттуда сочился свет миллионов окон, казалось, что в многоэтажках притаились зрители, занявшие верхние ряды амфитеатра и теперь с интересом наблюдающие за жуткими драмами, разыгрывающимися внизу...

Может, он и ошибался. Шли дни, и

Максим постепенно начал забывать прошлое, научился мыслить категориями одного дня, свыкся с лишениями, незаметно для себя стал худым, ловким и жилистым.

А жизнь текла мимо, события двигались своим чередом.

Примерно через год после катастрофы руины начали разбирать, основные улицы расчистили, режим запретной зоны стал не таким жестким, как вначале, появились строители, у восстановленной станции метро сначала возникали небольшие стихийные рынки — там можно было купить сигареты, водку и продукты, да и солдаты уже не стреляли без предупреждения. Максим, поначалу с опаской отнесшийся к переменам, понемногу начал втягиваться в новую реальность — иногда нанимался в строительные бригады, но чаще уходил

в руины, где еще оставалось множество потаенных мест, куда так и не добрались ни спасатели, ни военные, ни строительные бригады.

Тусклые мысли скользнули где-то на краю сознания и исчезли, ушли, как вода в песок.

Хотелось курить.

Он зябко поежился, кутаясь в пальто. Рука ощутила рукоять раритетного «стечкина», достать патроны к которому стало настоящей проблемой. Пистолет он нашел в одном из зданий, среди обломков раздавленного сейфа. Там же удалось раздобыть и боеприпасы. За год, что минул со дня находки, Максим привык к оружию, оно часто спасало ему жизнь, расставаться с ним было жалко, но в обойме осталось всего три патрона, и здесь помочь не могли даже военные — армия вот уже несколько лет как

перешла на импульсные типы вооружений.

Через некоторое время Максим, голодный, хмурый и злой, вышел из приютившего его на ночь здания.

Наниматься к строителям желания не было. Идти в неисследованные руины с тремя оставшимися патронами — рискованно. Наступивший день ничем не отличался от других — он обещал лишь неопределенность...

Максим поднял воротник, сунул руки в карманы и побрел наугад по одной из улиц.

Он всегда так делал, если в точности не знал, чем заняться, куда идти.

* * *

На ближайшем перекрестке, подле покосившегося светофора, вззирающего на мир выбитыми глазницами

светофильтров, ошивался тип подозрительной наружности.

На нем было навешено громоздкое устройство, спрятанное в туристический рюкзак, вокруг, распространяя волны зеленоватого мерцания, в морозном воздухе медленно искажались панорамы иной реальности, созданные при помощи голографического проектора.

Максим остановился. Рука невольно сжала рукоять пистолета.

Пространство, открывшееся перед ним, завораживало. Заросли металлических растений густо покрывали руины какого-то города, среди оплывших холмов высился старый железнодорожный мост, покрытый коростой ржавчины, кое-где испятнанный кляксами серебристой субстанции, похожей на ртуть.

На переднем плане выделялся корпус

механического создания, истекающий сизыми струйками дыма, высачивающимися сквозь многочисленные пробоины в корпусе.

Человек, экипированный в тяжелую броню, разбирал подбитого техномонстра, с удивительной легкостью извлекая из чрева механоида различные техноартефакты.

Максим немного успокоился.

Вербовщик.

Он слышал, что в руинах начали появляться так называемые зазывалы, вербующие будущих сталкеров, но еще ни разу не встречался ни с одним из них.

Об отчужденных пространствах Пятизонья ходило множество самых разнообразных слухов. Одна из таких аномальных территорий начиналась всего в нескольких километрах отсюда

за границей купола Барьера^б.

Максим с интересом наблюдал за лазерным шоу, сопровождающимся громкими отрывистыми фразами вербовщика. Его голос, усиленный электронными устройствами, дробил настороженную тишину руин:

– Если вы остались за бортом жизни, если вам тесны оковы цивилизации, если нет никаких перспектив – присоединяйтесь к свободным сталкерам! Испытайте свою удачу, ведь цена одного техноартефакта равняется годовой зарплате квалифицированного рабочего!..

В теснине одной из улиц внезапно показался военный патруль, и вербовщик, заметив его, тут же выключил аппаратуру, юркнув в ближайший пролом.

Максим все еще стоял подле

---

^б Барьер – граница гравитационной аномалии, внутри которой расположена зона отчужденных пространств.

покосившегося светофора. Военных в светлое время суток он не опасался, а вот фразы, сопровождавшие голографический рекламный ролик, почему-то задели его, продолжая звучать, будто эхо, в потревоженном рассудке:

*Остались за бортом жизни...
Присоединяйтесь... Испытайте
удачу...*

Сзади слышались шаркающие шаги. Оказывается, зрителей в прилегающих к перекрестку руинах было более чем достаточно.

Макс тряхнул головой, обернулся.

Какой-то старик, вышедший на свет из сумрака полуразрушенных зданий, остановился подле.

– Сволочи! – бормотал он. – Совсем страх потеряли! – Он обернулся к Максиму. – Ты слышал?! Они ведь зовут на верную гибель!

– Почему? – спросил Максим.

– Пятизонье – это проклятье человечества! – возмутился старик. – Кара! Кара за нашу самонадеянность! Там царит технос! Да, я знаю, – беспощадный технос! Созданные нами машины, восставшие против людей!

– Старик, ты бредишь, – бесцветным голосом ответил Максим. – Что же там опасного? Такие же руины, как тут?

– Технос! – словно заведенный, твердил старик. – Мы породили его! Породили скоргов – эту проказу, превращающую людей в нежить! Да, да, я знаю! Я видел сталкеров, пытавших вырваться оттуда! Они покрыты серебристыми пятнами, их тела стали пристанищем для микроскопических машин, разъедающих плоть, превращающих кости в металл!

– Врешь ты все. – Максим сплюнул,

наблюдая за патрулем. Офицер и два солдата свернули в руины, наверное, заметили вербовщика и решили его перехватить.

Водянистые глаза старика вдруг вспыхнули мрачным безумием.

– Они ищут таких глупцов, как ты! Заманивают в пространства, откуда нет возврата! Мы все обречены!..

Максим не стал его слушать.

Военные свернули не в то здание. Вербовщик, если он знает руины, пойдет другой дорогой.

Надо бы догнать его, расспросить.

Оттолкнув старика, пытавшегося еще что-то сказать, он шагнул в пролом и скрылся в сумерках полуразрушенного здания.

* * *

Вербовщика он нагнал через пару

улиц. Тот стоял, тяжело дыша после надрывного бега, привалившись к оплавленной, деформированной стене здания, в одном из проулков.

Максим, достав оружие, подошел ближе.

– Эй, как там тебя?

Вербовщик вздрогнул, резко обернулся и увидел пустой зрачок пистолетного ствола, нацеленного ему в переносицу.

– Закурить есть?

Тот вдруг часто закивал, хлопая себя по карманам. Его взгляд неотрывно следил за оружием.

– Тебя патруль заметил. – Максим опустил пистолет. – Не бойся, они в другой квартал побежали. – Он взял полупустую пачку сигарет, заметив, что пальцы вербовщика дрожат. – Да не трясись, не трону я тебя.

– Зачем гнался? – сглотнув, спросил

тот.

– Курить охота. – Максим вытащил сигарету, а пачку сунул себе в карман. – Давай, расскажи: что ты там про сталкеров кричал?

– Я в Пятизонье народ вербую.

– Ну, это понятно. – Максим глубоко затыкнулся. – Мне тут старик один про какую-то «проказу Пятизонья» толковал. Ты что скажешь?

– Скорги... – Вербовщик сглотнул. – Они везде. Но их не нужно бояться! – внезапно опомнился он. – Есть хорошая экипировка, она реально защищает!

– И что? Допустим, я захочу стать сталкером?

– Да все просто! Отведу тебя на сборный пункт, тут неподалеку, в руинах. Там выдадут все, что нужно. Потом переправят за Барьер. Там, – он неопределенно кивнул в сторону мутного купола, – есть специально

оборудованные лагеря. С герметичными убежищами, понимаешь? Оттуда будешь выходить, как на охоту, — завалил механоида, разобрал его, отнес добычу хозяину лагеря, а он с тебя долг за экипировку спишет. Еще раз вышел, снова с добычей вернулся — тебе деньги на счет. Так три-четыре ходки сделал, и можно новую жизнь начинать!

— А если не справлюсь?

— Да ты, парень, — прям вылитый сталкер, — польстил Максиму вербовщик. — Сколько уже в руинах выживаешь?

— Давно, — пожал плечами Максим. — Года два, может, больше... Не помню уже.

— Вот и там не сложнее.

— Не врешь? Сам-то за Барьером бывал?

— Нет, — честно признал вербовщик. —

Но оттуда все богатыми возвращаются. Уезжают за границу! Бывает, конечно, что и погибает кто-то из новеньких, но это уже... судьба! – нашелся он. – У кого на роду написано...

– Ладно, заткнись, – прервал его Максим. – Ты, мужик, идиотов ищешь, это понятно. Если там все так круто, деньги сами в руки лезут, так чего ты тут в руинах шатаешься? Почему сам в сталкеры не подался?

Вербовщик стрельнул взглядом по сторонам, затем начал снимать с себя туристический рюкзак, в котором был упакован голографический проектор.

– Скоргов боюсь, – признался он. Почему бы не сказать правду? Парень этот все равно в сталкеры не годится, у него полное безразличие к жизни на худом лице написано. Вон глаза ввалились, блеск в них диковатый. Может, больной или запойный, а

может, просто – голодный. В любом случае нет у него азарта, той самой искорки, что толкает здоровых, вменяемых, зачастую хорошо обеспеченных людей в сущий ад, откуда действительно нет возврата.

– А чего ж ты их боишься? – продолжал допытываться Максим. – Сам ведь сказал – экипировка надежная и все такое? Ты толком-то расскажи: что за скорги такие?

– Сигареты отдай?

– Держи одну. Остальные оставлю, – отрезал Максим.

– Ладно. – Вербовщик взял сигарету, прикурил. – Я со многими сталкерами знаком был. – Его внезапно пробило на откровенный разговор. – Тема действительно такая, что лучше в нее не лезть. Дураки да обреченные попадают. Ну, еще те, у кого понты зашкаливают. Мол, круче нас только

горы... – Он выпустил сизую струйку дыма. – Скорги... Знаешь, один мнемотехник мне точно сказал: это такие нанороботы. Меньше пылинки. Их где-то у нас разработали, а когда Катастрофа случилась, они из секретных хранилищ вырвались, на свободе оказались, размножаться начали.

– И что? – не понял Максим.

– Ну, у них сбой произошел. Программы все стерлись или перепутались, в общем, стали эти наномашины сами по себе. Ну, как трава или микробы, понимаешь? Или вирус, так, наверное, правильнее будет. Они мелкие, вездесущие, разные. Некоторые просто металлорастениями прорастают, металлы тянут из земли, как дерево – соки. Другие технику захватывают. Они ее ремонтируют, устройства там всякие навороченные

выращивают, и получается из какого-нибудь ржавого трактора натуральный техномонстр. На языке сталкеров – механоид. Понимаешь?

– Не очень. – Максим попытался представить картину, скупю нарисованную словами вербовщика, но ничего не вышло, воображения не хватило. Ржавый трактор мысленно представить – пожалуйста. А вот восстановленный и модифицированный скоргами механизм – не вышло. Нелепица какая-то.

– Ну а если вдруг у сталкера с экипировкой не все в порядке, – тем временем продолжил вербовщик, видимо, напрочь забывший о своем непосредственном задании, – ну, там герметичность нарушилась, или ранило его, так серебристая пыль если на кожу попадет – все, хана. Скорги начинают в человеке размножаться.

– Они что, мясо жрут? – удивленно переспросил Максим.

– Тупой ты. – Мужик неприязненно покосился на Максима. – Нет. Им органика вообще ни к чему. Энергия им нужна. И носители, чтобы управлять ими, перемещаться, ну как тебе сказать – осознанно, что ли? Так их только пульсациями перебрасывает из одного пространства в другое да ветром, бывает, разносит. А внедрившись в носитель, они становятся сами себе хозяевами. Куда хочу, туда иду...

– А с человеком что происходит?

– Умирает. Но медленно. Пятна серебристой проказы по телу расползаются, плоть начинает разлагаться, вместо нее всякие устройства прорастают. Так постепенно из человека получается сталтех. Нежить... – Вербовщика передернуло.

Максиму стало интересно. Уж

больно складно врет.

— А еще скорги в разные устройства внедряются, — продолжил тем временем вербовщик. — Сталкер один рассказывал: его дружок бинокль в руинах нашел. Старый такой, поцарапанный весь. А в нем скорги гнездились. Он посмотреть хотел, к глазам поднес, а там не видно ничего, муть одна. Хотел выкинуть, но он у него прямо в пальцах растекся, и все. Видели потом того сталкера уже полуразложившимся. Брел куда-то. Половина головы металлизировалась, руки, как механические протезы, вместо глаз какие-то устройства. А еще скорги в компьютерах гнездятся, в бытовых приборах, везде, где есть хоть немного энергии. Помнишь, еще до Катастрофы новые источники питания изобрели? Ну, целая рекламная кампания была — «Купите наш

«уникум» и отключите свою бытовую технику от сети. Десять лет бесперебойной работы...» – Вербовщик выкинул окурок. – Сколько такой техники с десятилетним запасом энергии в отчужденных пространствах осталось? Да не сосчитаешь. А микромашины энергию за версту чуют...

Максим слушал его, постепенно раздражаясь. Ну, загнул так загнул. Несет всякую околесицу. Сколько он брошенных «компов», да разной бытовой техники в руинах находил, и ничего. Некоторые устройства даже продать удавалось.

– Ага. – Он усмехнулся, поигрывая «стечкиным». – Допустим, в твой рюкзак скорги пролезли, и что станет?

– Не знаю... – Вербовщика передернуло. – А что?

– От любой взбесившейся машины

есть хорошее средство, – зло произнес Максим. День и так начался угрюмо, безрадостно, а тут еще этот увалень со своими небылицами. Проучить бы его...

– Какое? – Мужик оказался наивным, видимо, в руинах работал недавно и нравы их обитателей знал плохо.

– Пуля. – Максим внезапно вскинул оружие и трижды выстрелил.

Вербовщик отшатнулся, побледнел, затем обернулся, с ужасом глядя на свой рюкзак, в котором истекали вонючим дымком три пулевых отверстия.

– Придурок! Что ты наделал?! Там же аппаратура! Она бешеных денег стоит!

– Нечего всякую чушь нести! – Максим сплюнул. Волна неконтролируемого гнева накатила и отхлынула. В такие минуты он сам

плохо соображал, что и зачем делает. — Дуришь нормальным людям головы. — Он с досадой подумал, что зря истратил три оставшихся патрона. — Вали отсюда, сказочник!

В этот момент, привлеченные выстрелами, в глухом проулке показались двое мрачных типов.

— Вот урод... — процедил один из них сквозь сжатые зубы, при этом его верхняя губа хищно вздернулась. — Ну, ни на минуту нельзя оставить!.. Вечно в проблемы влезет!.. — Он уверенным заученным движением выхватил из-под одежды короткоствольный импульсный автомат, но затем, оценив ситуацию, передумал, подобрал с земли кусок ржавой арматурины и, подкравшись сзади, от души приложил Макса по затылку.

Перед глазами Максима вспыхнули кроваво-радужные пятна, ноги

подкосились, он мешковато осел на землю и привычно сжался в комок, ожидая побоев.

Сознания он не потерял, но лежал не шевелясь, будто труп.

Один из громил подошел к рюкзаку, ослабил узел, заглянул внутрь.

– Ну, что там? – осведомился второй.

– На помойку. Проще новый купить. Ты куда смотрел, гаденыш? – Он обернулся к вербовщику. – Почему знак не подал? Мы думали, ты клиента обрабатываешь!

– Да какой он клиент?! Пристал, как репей! Больной на всю голову!

– Так тебя разве не инструктировали? Возникли проблемы, – знак подай, мы все уладим! А ты? Технику угробил, день теперь коту под хвост! А мы на утро борт у военных зафрахтовали! Для преодоления Барьера, сечешь? Он что, полупустой пойдет?

– Я не знаю! Этот придурок – больной! Бешеный какой-то! Откуда я знал, что он стрелять начнет?!

Оправдания вербовщика никто не слушал. Двое громил отошли в сторону, совещаясь.

– Ну, что делать будем?

– Да ничего. Сколько у нас человек не хватает?

– Трoих.

– Ну, один у меня есть. Экстремал какой-то. В баре познакомились. И этих двоих заберем. Ты давай, Крамору отзвонись, пусть машину встречает.

Его напарник криво усмехнулся, взглянув на неподвижное тело Макса и бестолково суетящегося подле рюкзака горе-вербовщика.

– Хочешь их обоих в Пятизонье, к Греху отправить?!

– А какие варианты? Может, сам по руинам побегаешь, в поисках

добровольцев? Ты главное, не тупи! Наше дело маленькое – народ набрать. А кто, как, почему – без разницы.

– Эй, я не согласен! – Вербовщик, слышавший их диалог, медленно попятился, пока не уперся спиной в огрызок стены. – Я никуда не пойду! Мы так не договаривались!

– Серый, угомони его! Думать надо было головой! Аппаратуру угробил?! А кто платить станет?

Максим лежал, по-прежнему не шевелясь.

После удара по затылку к горлу подступала тошнота, голова кружилась, и ему по большому счету было сейчас все равно, где он окажется через несколько часов, лишь бы не забили до смерти. В сказки о Пятизонье он не верил. Нет там никого за непроницаемым мутно-серым куполом. Ни людей, ни машин. Пустыня одна.

Он плотно зажмурил глаза. Ну, заставят отработать на какой-нибудь стройке или в подпольном цеху. Не впервой. Сбегу...

В глухом проулке раздалось несколько мягких ударов, сопровождаемых сильным судорожным вздохом вербовщика, затем прозвучал голос:

– Все, хватит! Подгоняй машину, грузим их! Нам по дороге еще ко мне надо заскочить! Давай в темпе, пока караул на блокпостах не сменили!

* * *

Что происходило дальше, Максим практически не помнил. После удара металлическим прутом по затылку в сознании все плыло, он оказался во власти багряных сумерек, на фоне которых изредка появлялись и исчезали

мутные осколки реальности.

Его куда-то везли, в салоне старенького микроавтобуса нестерпимо воняло потом и бензином, прямо под ухом нудно, по-бабьи причитал тот самый вербовщик, похоже, он валялся, избитый и связанный, на полу между рядами сидений. Был с ними еще кто-то, но лица третьего пассажира Максим не запомнил, тот забился на последнее сиденье и притих.

Очередная остановка совпала с временным просветлением сознания. Максим сел, преодолевая дурноту, но тут с лязгом открылась боковая дверь, пахнуло холодом, свежестью, в клубках взвихрившегося пара появилась фигура одного из громил.

Вербовщик вдруг отчаянно закричал:
– Серый, не надо! Я заплачу! Я...

Хрусткий удар оборвал надрывную мольбу. Максим инстинктивно сжался,

наблюдая, как вербовщику заткнули пасть кляпом, а третьему пассажиру зачем-то завязали глаза.

Он понял, что тихо отлежаться, а когда представится момент — ускользнуть не выйдет.

День заканчивался еще хуже, чем начался. Куда их привезли, бесполезно даже гадать.

– Встали! Быстро!

Максим зашевелился, кое-как поднялся на четвереньки, затем кто-то схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Выходим по одному!

Он тупо подчинился. Ноги казались ватными, после сумрака салона микроавтобуса и долгой монотонной езды окружающее поначалу воспринималось нечетко, но холод, оглушительный рев двигателя и ледяной ветер быстро привели

Максима в чувство.

Он хотел осмотреться, но новый окрик, сопровождаемый ударом приклада в спину, толкнул его в нужном направлении.

– Вперед! На борт!

Вертолет... Максиму вдруг стало по-настоящему страшно. Машина, притаившаяся во тьме, казалась огромным ревущим монстром. Ветер, бьющий из-под вращающихся лопастей, валил с ног, кто-то больно подталкивал в спину стволом автомата, вокруг расплескалась вязкая ночная мгла, под ногами дыбилась замерзшая комьями грязь, в голове плавал красноватый туман. Похоже, что, кроме удара по затылку, он получил дозу какого-то препарата, подавляющего волю, заставившего подчиняться, идти из последних сил, вскарабкаться в чрево металлического чудовища и

снова притихнуть, в ожидании скорой, но явно не доброй развязки...

* * *

Он ошибся. Перелет был долгим и трудным.

Максиму казалось, что на него положили бетонную плиту. Сила тяжести постепенно росла, он молча извивался, как червяк, пытаясь выползти из-под навалившегося непосильного груза, кто-то гоготал, глядя на его потуги, потом, спустя некоторое время чуть отпустило, гравитация начала слабеть, зато пришло резкое и неприятное чувство зависания внутренностей.

Муть в голове так и не прошла.

Он лежал на полу, ощущая только холод металла, пока резкий толчок окончательно не привел его в чувство.

Снова окрик, резкий, будто удар хлыста:

– Встали! В темпе!

Военно-транспортный вертолет совершил посадку невдалеке от мрачного скопления руин, и Максим, которого пинками подняли на ноги и вытолкали наружу, увидел, как в крошечной тьме, метрах в ста от площадки приземления, над приземистыми, полуразрушенными постройками старой подстанции с равными интервалами бьют стелющиеся вдоль промерзшей земли ветвистые молнии.

В ослепительных вспышках были видны овраги, по склонам которых густо росли металлические кустарники. Исковерканная, покрытая воронками местность казалась холмистой из-за нагромождений разбитой техники: обгоревшие, частично расплавленные

корпуса странных машин горами
возвышались подле основания
медленно вращающегося, пронизанного
разрядами статического электричества
мутного вихря, вздымающегося к
хмурым небесам.

Максиму стало жутко. Чувство,
сжавшее горло, нельзя было назвать
страхом. Мгновенный инстинктивный
ужас захлестнул, словно волна, накрыл,
уже не давая опомниться, на фоне
раздвоенности, нечеткости восприятия
внезапно промелькнула тоскливая
мысль: все, отсюда уже точно не
сбежишь...

В полной прострации он сел на
мерзлую землю, неподалеку о чем-то
разговаривали между собой несколько
военных и двое гражданских, вокруг в
разных позах застыли пораженные
открывшимися картинами
исковерканной реальности будущие

сталкеры.

– Все, погнали! – Голос раздался в промежутке между вспышками молний и глухими раскатами грома. Из темноты вынырнула фигура здоровенного детины, экипированного не хуже, чем военные, доставившие их сюда. Его лицо скрывало сложное устройство, напоминающее гибрид защитного шлема и дыхательной маски, за спину уходили два гофрированных шланга, в руках он сжимал короткую рукоятку, из которой то и дело появлялись кончики неприятно потрескивающих энергетических щупалец.

– Я сказал – встали! – рявкнул он.

Максим машинально подчинился, но его сосед – тот самый вербовщик – вдруг начал что-то лопотать, не то заискивая, не то доказывая свою непричастность к происходящему.

Сталкер не стал его слушать. Он одной рукой схватил вербовщика за горло, приподнял, глядя, как тот извивается, вцепившись в его руку.

– Так, все смотрим сюда и слушаем! Вы в Пятизонье. Я проведу вас в пространство Новосибирской зоны отчуждения. Там расположен наш базовый лагерь. И запомните одну элементарную истину – здесь каждый вздох, каждая прожитая минута – уже удача и счастье. Так что подобрали сопли – и за мной! Нянчиться ни с кем не буду! Шаг в сторону, попытка бежать – убью. А если вдруг не попаду, скорги сожрут. Выбирайте сами.